

Маршрутка приближалась к улице Демонстрации, а следом за ней пересекала улицу Революции. Водитель спросил заранее, нет ли сходящих на «Демонстрации». Пассажиры молчали, и он поинтересовался опять: «А на "Революции"?» И опять желающих сходить не оказалось. Но из сумеречной глубины тесного салона какой-то мужчина хмыкнул: «Была бы улица Демонстрации мини-бикини — другое дело. И на "Революции сексуальной" выскочил бы».

Девчата, сидящие рядом с водителем, захихикали.

Бабуля, разместившаяся с большой сумкой в первом ряду, у двери, осуждающе обронила: «Одно на уме. Неясно, что ли, какой революции, какой демонстрации?»

Девчата захихикали еще громче, заулыбалась и пара средних лет — похоже, супруги, бабкины соседи по первому ряду.

Мужчина, довольный, что его реплику оценила часть попутчиков, продолжил:

— Откуда ж ясность? Сколько их было — революций всяких: и февральская русская, и Великая Октябрьская — наша же, и французская Великая, а научно-техническая... Демонстраций — тех и не счесть — каких только нет.

Бабуля молчала, насупившись: нечем было возразить.

— И правда — странно, — поддержала мужчину молодая женщина в каракулевой шубке. — Едешь или идешь, а на домах таблички: улица революции безымянной какой-то, улица демонстрации непонятной. Но изначально не могли же быть такие названия. Недавно здесь живу, не интересовалась как-то.

— Даю точную справку для любопытствующих, — уверенным голосом заявил рослый мужчина в стильной объемной фуражке из нерпы, стоявший в середине салона. — Можете не сомневаться, информация надежная — сталкивался с этим по работе. Улица Демонстрации — это до недавнего времени улица Политической демонстрации 1903 года; названа в память первой протестной демонстрации горожан. А улица Революции опять же недавно еще — это улица Революции 1905 года; в честь первой русской революции, как понимаете.

— Здорово, — хлопнул в ладони мужчина — зачинатель дорожного разговора. — Может, знаете, почему названия усекли? Не по идейным соображениям?

— Вряд ли. Полагаю — для простоты употребления.

— Правильно сделали. Запаришься выговаривать эти длиннющие названия, — вставил слово водитель.

— Логично, — весело согласился первый мужчина. — Меня вот для простоты Санычем зовут вместо Иго-ря Александровича. Стало быть, надо еще и в паспорте, и в иных документах Санычем записывать! И фамилию побоку — чтоб совсем просто.

— Вот разошелся, шалопутный, — с укором опять сказала бабуля. — Лишь бы побалагурить.

— Разошелся?! Я только начал, мамаша. А ты думаешь, мимо тебя эта практика пройдет? Как же, жди. И тебя везде запишут... Матвевной заместо... Антонины Матвевны Сорокиной, если тебя так именуют, предположим.

Девчата впереди снова прыснули. Засмеялась теперь и бабуля: «Выдумал еще: Сорокина... Матвевна... Шалопутный и есть».

— Да-да, главное, не останавливаться, — продолжал выступать «шалопутный». — Будет уже всяких сложностей. Упростили школьную программу, — мало, еще короче надо, еще проще. Нафиг детей грузить в школе — и так у них от компьютерных игр, от Интернета «крыша едет». Писать, читать чтоб умели, еще таблицу умножения — и баста... Самолеты, суда перестали почти делать — понятно, непростой процесс. И конкуренция — тот еще геморрой. Проще импортировать — ясно, пока нефть, газ, металлы хорошо «идут». Но их тоже нелегко извлекать, доставлять. Еще проще можно деньги добыть: землю продавать побойчей за кордон, речки, озера «толкать» — в стране этого навалом. Опять же инженерам, ученым последним голову не ломать — не мучиться; пойдут вон в дилеры или в мерчендайзеры... Конфискация добра взяточников — морока, конечно. Правильно сообразили: штрафовать проще. А еще лучше: выговор ввести, с записью в трудовой книжке — совсем без затей... Борцы за справедливость докопались: подавай им прогрессивную шкалу подоходного налога — пусть богатые платят больший процент; новые детсады можно будет построить, медицину поддержать и прочее такое для всех. Глупцы. Это ж заковыристая какая штука! А другие страны нам не указ. Хотят себе усложнять — пусть усложняют. Мы идем простым путем. Ударим, так сказать, по сложности жизни простотой.

— Ну, артист! — восхитилась бабуля. — Разговорного жанра.

А сведущий мужчина в нерпе спросил с раздражением:

— Вам представляется все это смешным?

— Ага, смешно — до слез, — кивнул хмуро «шалопутный». — «...Он звонко хохотал, души рыдание укрыв».

Тут встрепенулась, завертелась испуганно бабуля:

— Ой, батюшки ты мои, Красноармейскую не проехали?

— Проехали, конечно, — фыркнул недовольный водитель и маршрутка, резко притормозив, остановилась на обочине. — Немного, хорошо спохватилась. Следить надо за дорогой.

— А ты что ж молчишь? — огрызнулась бабуля, открывая дверь. — То объявляешь остановки, то молчишь.

— Ладно, мамаша, не ворчи, я тоже прозевал, — сказал, поднимаясь и застегивая верхние пуговицы на дубленке, «шалопутный». — И мне на Красноармейской. Вот это наше во всех смыслах название, ясное, надежное. Я бы сказал — обнадеживающее.

Закрывая дверь, он громко запел:

*Но от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильней...*

